

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТРАНЗИТА МИЛИТАРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Батаева Е. В.,
*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социологии
Харьковского гуманитарного университета
«Народная украинская академия»*

Артеменко А. Б.,
*аспирант кафедры социологии
Харьковского гуманитарного университета
«Народная украинская академия»*

В статье выявлена специфика транзитов военной идентичности в контексте теорий альтернативы П. Бергера и Т. Лукмана, габитуса П. Бурдьё, «возвращающегося домой» А. Шютца и «культурного шока» К. Оберга и Б. Бергмана. Сделан вывод, что успешность социальной реадaptации ветеранов в значительной степени зависит от их умения транспонировать военную идентичность в гражданский контекст.

У статті виявлено специфіку транзитів військової ідентичності в контексті теорій альтернативи П. Бергера і Т. Лукмана, габітуса П. Бурдьє, «того, хто повертається додому» А. Шютца і «культурного шоку» К. Оберга і Б. Бергмана. Зроблено висновок, що успішність соціальної реадaptації ветеранів значно залежить від уміння транспонувати військову ідентичність у цивільний контекст.

The paper identifies specifics transition of military identity in the context of alternation theories of P. Berger and T. Lukman, habitus of P. Bourdieu, "the homecomer" of A. Schütz, and "cultural shock" of K. Oberg and B. Bergman. It is concluded that the success of social adaptation of veterans largely depends on their ability to transform military identity and transpose it into a civilian context.

Ключевые слова: военная идентичность, транзит идентичности, габитус, альтернатива, культурный шок, социализация, адаптация.

Постановка проблемы. В современной военной социологии активно обсуждается тема военной идентичности, под которой понимают результат социальной идентификации актора с армией или военными группами, вследствие интернализации ценностей и норм, принятых в армейском/военном поле. Особый интерес у современных исследователей вызывает концепт транзитов военной идентичности, под которыми понимают переход из гражданской жизни в армейское поле (после воинской мобилизации или добровольного вступления в ряды вооруженных сил) и обратный переход из армейского в гражданское поле (после демобилизации или увольнения по состоянию здоровья). Разработкой теории и методики измерения военной идентичности в западной науке занимаются Г. Бен-Дор, У. Вагнер, Д. Гриффит, Р. Йохансен, С. Кастро, Н. Квилвэн, С. Кинчле, С. Ланкастер, М. Мартинусен, Я. Стельмахер, П. Тиссингтон, О. Христ и др. Теорию транзита военной идентичности разрабатывают Д. Блэкберн, Д. Волкер, Т. Карнер, Н. Прахарсо, Р. Смит, Д. Тру, П. Хигате и др. С целью выявления специфики транзитов военной идентичности возникает необходимость в их осмыслении в контексте известных современных социологических теорий.

Целью статьи является рассмотрение природы транзитов военной идентичности в контексте теорий альтернативы П. Бергера и Т. Лукмана, габитуса П. Бурдьё, «возвращающегося домой» А. Шютца и «культурного шока» К. Оберга и Б. Бергмана.

Изложение основного материала. В контексте социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана проблему транзита военной идентичности можно рассматривать, используя понятия первичной/вторичной социализации и альтернативы. Первичная социализация является наиболее важной для индивида, оказывая влияние на всю его последующую жизнь и форми-

руя наиболее важные для него ценностно-нормативные паттерны «базисного мира». Индивид интернализирует жизненные установки и ценности в процессе идентификации со значимыми другими, вследствие чего обретенное мировосприятие «гораздо прочнее укореняется в сознании, чем интернализируемое в процессе вторичной социализации» [1, с. 221]. Вторичная социализация связана с вовлечением актора в профессиональные «подмиры» и обретением «специфическо-ролевого знания» [1, с. 227]. К примеру, после мобилизации новобранцы усваивают армейскую семантику и новые интерпретации мира, релевантные новому институциональному контексту, которые по значимости и частоте употребления могут конкурировать с семантическими полями первичной социализации. Перефразируя П. Бергера и Т. Лукмана, можно сказать, что военнотружущими становятся не только приобретая необходимые умения, но и благодаря пониманию и использованию армейского языка. Транзит из гражданского в военное поле сопровождается обретением нового дискурсивного мировосприятия, порождающего новые интерпретации-оценки повседневности.

Поскольку вторичная социализация, релевантная профессиональным «подмирам», не столь фундаментальна, как первичная социализация (соотносимая с «базисным миром» личности), то можно было бы предположить, что транзит в армейское поле порождает не столь мощную милитарную идентичность, которая не в состоянии вытеснить/подавить гражданскую идентичность актора, сформировавшуюся в коммуницировании со значимыми другими. Обратный транзит из армии в гражданское поле после демобилизации должен быть мягким и безболезненным, позволяя актору восстановить базисный стиль миропонимания. Однако П. Бергер и Т. Лукман оговаривают условия более глубоких кризисных изменений в личностной структуре, которые могут произойти при вторичной социализации, не уступая (или превосходя) по влиятельности первичной социализации. Речь идет о «крайнем случае тотальной трансформации», которому П. Бергер и Т. Лукман дали название «альтернация» [1, с. 256]. Альтернация предполагает радикальное преобразование личности, условием которой становится, во-первых, «сильная эмоциональная идентификация с персоналом социализации» [1, с. 256], а во-вторых, «демонтаж, разрушение предшествующей номической структуры субъективной реальности индивида» [1, с. 257]. Оба условия будут соблюдены, если актер будет воспринимать «персонал социализации» как значимых других, как близких людей или членов семьи, обладающих непререкаемым авторитетом. Если в армейском поле новобранец столкнется именно с таким окружением, которое будет авторитетным и уважаемым, которое будет вызывать сильные эмоции любви и преданности, то может произойти альтернация, радикальная личностная трансформация (сродни религиозному обращению), результатом которой станет формирование сильной милитарной идентичности, способной вытеснить гражданскую идентичность, сформировавшуюся до призыва в армию. В этом случае второй транзит (из армии в гражданское поле) может быть осложнен трудностями социальной реадaptации, вызванными приверженностью милитарному опыту и нежеланием/неспособностью актора осуществить обратный дрейф к гражданскому мировосприятию.

Таким образом, в контексте теории П. Бергера и Т. Лукмана следует различать два модуса милитарной идентичности – слабую форму (соотносимую с частичной вторичной социализацией в армейском «подмире», не предполагающей биографического разрыва с прошлым жизненным опытом и, наоборот, подчеркивающей преемственность с ним) и сильную форму (соотносимую с альтернацией, сопровождаемой формированием «базисного мира» нового социального окружения и дистанцированием от прошлого). Критерием для различения этих форм может стать восприятие армии «как семьи», сослуживцев «как братьев», а командиров «как отцов» в случае сильной формы милитарной идентичности, что соотносится с демонтажем прежней системы мировосприятия (с ее реальными родственными/физиологическими связями), разрывом биографической непрерывности и эмоционально-когнитивной идентификацией с новыми товарищами, которые воспринимаются как «вожатые по новой реальности».

Милитарная идентичность, сформировавшаяся в контексте альтернации, может быть связана с усложненным вторым транзитом и затрудненной социальной реадaptацией актора (в отличие от милитарной идентичности, возникшей в ситуации рутинной вторичной социализации, не сопровождавшейся сильными личностными трансформациями). П. Бергер и Т. Лукман предложили семантические критерии свершившейся альтернации, суть которых сводится к негативной оценке фактов биографии, предшествовавших альтернации, темпоральному разрыву последовательности субъективной биографии индивида, а также к «перетолкованию событий и лиц, которые в прошлом обладали значимостью» [1, с. 261]. Применительно к теме милитарной идентичности, альтернацию можно идентифицировать по следующим вербальным маркерам: «до армии я думал так, а теперь совершенно иначе»¹, «раньше я ничего не понимал в жизни, армия мне на многое открыла глаза»; «мне раньше нравилось общаться с парнями из школьного класса, теперь мне чужды их интересы», «мои боевые товарищи заменили родных братьев» и т. п. Словами П. Бергера и Т. Лукмана, «тут поиск согласованности оставлен, реальность реконструируется de novo».

При рассмотрении транзитов военной идентичности необходимо учитывать темпоральный критерий – время пребывания новобранца в армии. Если время службы непродолжительно (например, по состоянию здоровья актер вернулся к гражданской жизни намного раньше положенного срока), то альтернатива может не привести к радикальному разрыву с биографическим прошлым и отказу от прежней идентичности.

В контексте теории П. Бурдьё транзит военной идентичности соотносится с концептом габитуса, понимаемого как «система устойчивых и переносимых диспозиций, предрасположенных функционировать как структурирующие структуры» [3]. Габитус (или диспозиционная предрасположенность к определенному поведению) формируется в определенных социальных и культурных контекстах и оказывает значительное влияние на мировосприятие и функционирование социальных акторов. Габитус, сформировавшийся в процессе первичной социализации социального актора, может вступить в определенное противоречие с армейским социокультурным контекстом, в который попадает новобранец после мобилизации или добровольного вступления в ряды вооруженных сил. Процесс транзита может быть значительно осложнен спецификой армейской среды, для анализа которой полезно использовать понятие «мужского доминирования» (П. Бурдьё) или концепцию доминантной/гегемонной маскулинности, предполагающей такие ценности, как физическая сила, способность рисковать, находчивость, активность, стремление к власти, мужская солидарность [4, с. 54]. Как полагает С. Азертон, в армейском поле все еще доминируют мужчины, а большинство карьерных стратегий в армии доступны только мужчинам² [5, с. 823].

Во время службы в армии формируется военный габитус, облегчающий вовлечение актора в армейское социокультурное пространство и помогающий ему почувствовать себя «своим» в военном сообществе. Г. Марингира, Д. Гибсон и А. Рихтер полагают, что формирование военного габитуса происходит в особых армейских локациях – в казарме, во время тренировок и участия в военных операциях, где вырабатывается дисциплинированность, выносливость, агрессивность солдата и конформизм по отношению к действующим в армии нормам и правилам поведения. По определению М. Вебера, армия – это учреждение, законодательно уполномоченное применять силу и убивать противника, в котором новобранцы трансформируются в бойцов, чьей задачей становится «выявление и уничтожение врага». Командиры должны посвящать новобранцев в «культ» легитимного насилия, чтобы те стали способны совершать жесткие действия и контролировать эмоции жалости и сострадания. Физические и психологические страдания в процессе длительных ежедневных тренировок, социальная депривация и жесткий контроль со стороны начальства формируют габитус воина, способного справиться со страхом смерти. Военная идентичность соотносится с понятием боевого братства (comradeship), отличающегося от дружбы/товарищества глубиной взаимозависимости и веры в помощь друга. Г. Марингира, Д. Гибсон и А. Рихтер рассматривают понятие comradeship в контексте концепции социальной солидарности, предполагающей абсолютное доверие друг другу и взаимопомощь, которые могут помочь солдатам выжить в напряженных условиях боевого сражения [6, с. 37].

Военный габитус, сформировавшийся во время службы в армии, может войти в столкновение с гражданским социокультурным контекстом во время транзита военнослужащего из армии в гражданское поле, результатом чего может стать формирование поствоенного габитуса бывшего военного (ветерана). Возникшее противоречие между двумя габитусами, которые в течение длительного времени формировались в различных социокультурных полях (военном и гражданском), может возыметь своим эффектом гистерезис [7, с. 165] (или торможение/запаздывание приспособления к социальным изменениям, вызванное инерционностью габитуса). Привычка к армейскому стилю поведения и образу жизни может затормозить принятие новых моделей поведения в гражданском контексте, что повлечет за собой запаздывание изменения габитуальных структур актора. Гистерезис может проявиться в упорном нежелании ветеранов трансформировать военный габитус и учитывать вызовы социального окружения. Так, в исследовании Г. Марингира, Д. Гибсона и А. Рихтера, которые изучали военную идентичность военнослужащих Зимбабве, дезертировавших и попросивших политического убежища в ЮАР, были выявлены определенные сложности, связанные с гистерезисом военного габитуса. Транзит зимбабвийских ветеранов к гражданской жизни в ЮАР был осложнен такими факторами: необходимостью социальной адаптации в чужой

¹ В данном контексте показательны результаты интервьюирования участника боевых действий на Донбассе, проведенного О. Даниленко: «Если сравнивать приоритеты до войны и после... Если до войны как-то рассматривался вариант карьеры, личные планы, финансовая составляющая, то после АТО система ценностей коренным образом поменялась, вот... Финансы, личные блага отошли на второй план, третий план. Больше начали цениться такие вот... домашний уют, спокойствие, крыша над головой. Точно так же и по людям. Если раньше я оценивал людей относительно того, чего они добились, то сейчас я оцениваю немножко другими критериями. Уже смотрю, что они говорят, что делают, уже не важно, во что он одет, на чем он ездит, сколько зарабатывает... Мне больше важно то, чем он живет, чем он дышит» [2, с. 130].

² К примеру, согласно официальной статистике 2017 г., количество женщин-военнослужащих в украинской армии составляет 20123 или 8,5% от общей численности военнослужащих (2553 относятся к офицерскому составу) // сайт Цензор.нет, 10.06.17 – Режим доступа: https://censor.net.ua/news/443531/v_ukrainskoyi_armii_slujat_20_123_jenschiny_irina_geraschenko.

стране; негативным осознанием себя дезертирами и изгнанниками из родной страны; утратой семьи и статуса военных, что повлекло за собой их дистанцирование от принимающего сообщества ЮАР. Гистерезис проявился в сознательном сохранении верности милитарному прошлому, в активном поддержании воинского габитуса посредством выполнения определенных милитарных практик (усиленные физические тренировки, упражнения в стрельбе, владении холодным оружием и приемами самообороны) [6, р. 37].

По мнению П. Бурдые, «понять, что есть габитус, можно только при условии соотношения социальных условий, в которых он формировался (производя при этом условия своего формирования), с социальными условиями, в которых он был «приведен в действие», то есть необходимо провести научную работу по установлению связи между двумя состояниями социального мира, которые реализуются габитусом, устанавливающим эту связь посредством практики и в практике. Габитус – деятельное присутствие всего прошлого, продуктом которого он является, то есть он то, что придает практикам их *относительную независимость* по отношению к внешним детерминациям непосредственного настоящего» [3]. Милитарный габитус, включающий в себя установки доминантной маскулинности, привычку к иерархическим взаимоотношениям и к жесткому контролю (которые интернализируются военнослужащими в течение длительного пребывания в армии под давлением/принуждением со стороны командного состава) может вступить в конфликт с гражданским габитусом свободы и самоопределения, который был сформирован до мобилизации актора и который необходимо реактуализировать *после* возвращения из армии. Ветераны, которые не осознают необходимости габитуальной пере(на)стройки, могут испытать большие сложности в процессе социальной реадaptации, предпочтя стратегию маргинализации вместо интеграции в гражданское поле. А умение транспонировать милитарный культурный капитал (предполагающий дисциплинированность, склонность к порядку, культуру подчинения) в регистр гражданской жизни может значительно облегчить процесс социальной реинтеграции ветеранов, восстановления социальных связей и профессиональной социализации.

Как полагают Л. Купер, Н. Кэдик, Л. Годиер, М. Флосси и Х. Энворд, важную роль в процессе пере(на)стройки габитуальной структуры ветеранов могут сыграть накопленные во время армейской службы формы капитала, представленные в таких конфигурациях: социальный капитал включает в себя боевое товарищество, доступ к военным социальным и дружеским сетям; культурный капитал предполагает вовлеченность в культуру воина, обладание милитарными компетенциями, техническими знаниями; символический капитал включает в себя престиж статуса бойца, боевые награды, знаки отличия на униформе, репутацию боевого эксперта [4, р. 57]. Умение транспонировать армейские формы капитала в гражданский регистр может способствовать формированию множественной (гибридной³) идентичности актора, включающей в себя разнообразие ролей бывшего солдата, супруга, родителя, гражданина страны, работника организации и т. п. Социальная реадaptация предполагает решение задачи воссоединения старой и новой идентичностей. Как демонстрируют результаты социологических исследований, ветераны, которые смогли воссоздать интегрированную идентичность после службы в армии, быстрее находят хорошую работу, больше зарабатывают, имеют лучшие жизненные навыки, хорошие семейные и профессиональные отношения. Ветераны, которые не смогли интегрировать прежние и новые идентичности, с большей вероятностью будут сталкиваться с различными жизненными сложностями [8; 9].

Л. Купер, Н. Кэдик, Л. Годиер, М. Флосси и Х. Энворд отмечают, что в гражданской жизни у ветеранов могут возникнуть серьезные трудности с конвертацией культурного, социального и символического капиталов военнослужащего в экономический капитал. То, что ценилось в армии и награждалось служебным продвижением и повышением, может оказаться невостребованным в экономическом поле⁴. В данном контексте гистерезис может стимулировать эволюцию милитарного габитуса, который начнет меняться, дабы соответствовать логике гражданского поля [4]. Хотя габитус является устойчивым к социальным изменениям, не исключена возможность его социокультурных модификаций. Западные социологи изучают различные формы габитуальных изменений милитарного опыта. Например, возможны мягкие формы личностной трансформации в направлении преемственности между военным и гражданским профессиональными контекстами (к примеру, поступление после демобилизации на службу в полицию, в тюремные или охранные организации, в которых

³ Понятие гибридной идентичности рассматривается в этнопсихологии и постколониальной теории в контексте изучения столкновения различных рас и этносов, вовлеченных в миграционные процессы. Понятие гибридной идентичности противопоставлено монолитному, эссенциалистскому понятию единичной идентичности.

⁴ Показательны некоторые высказывания американских ветеранов войны в Ираке, которые пытались вербализовать свой опыт возвращения из армии в повседневность. «В армии достижения военнослужащих символически награждаются посредством медалей и орденов, которые высоко ценятся в армейской среде и соотносятся с определенным статусом. В обычной же жизни действует своя собственная система признания достоинств человека; для гражданского населения военные награды обычно значат немного или вообще ничего. Боевой значок пехоты [CIB] – отличная награда, означающая, что я хорошо сделал свою работу как пехотинец. В армии у Вас есть определенное преимущество, если у вас есть CIB. Но когда вы возвращаетесь, вы уже не можете носить этот значок, потому что он никого не интересует» [10, р.151].

доминирует маскулинная профессиональная культура) [11]. Другой мягкой формой транзита может стать переобучение, получение высшего или специального технического образования, прохождение спецкурсов на предприятиях с целью профессиональной реадaptации. В некоторых западных странах на государственном уровне разработаны специальные проекты, целью которых является фасилитация реадaptации ветеранов (например, в Великобритании разработан так называемый «Корпоративный договор» (часть проекта «Договор вооруженных сил»), который подписали более 900 британских компаний, обязавшихся способствовать профессиональной реадaptации бывших военнослужащих).

К «мягким» способам можно также отнести социальную/семейную поддержку⁵, признание со стороны общественности и СМИ, стимулирующие социальные интеракции и влияющие на формирование чувства принадлежности группе [8, р. 379–380]. Как подчеркивает К. Амиот, осознание ветераном своей признанности и общественной значимости может способствовать формированию позитивной постмилитарной идентичности (поэтому при изучении милитарной идентичности ветеранов полезно выяснить то, как, по их мнению, к ним относится общественность, как о них говорят в СМИ и каким образом публичный дискурс может способствовать/препятствовать социальной реадaptации ветеранов) [8, р. 379–380]. Кроме того, важную роль в процессе социальной реадaptации может сыграть информирование военнослужащих о проблеме кризиса идентичности, с которой они могут столкнуться после демобилизации и о способах эффективного разрешения этого кризиса. Ветеранам необходимо осознать, что для успешного завершения процесса социальной реадaptации может потребоваться значительное изменение милитарной идентичности с целью приспособления к гражданской жизни. Помимо личных усилий необходима также поддержка со стороны государства, военных учреждений, местных общин и предприятий.

Транзит милитарной идентичности можно также изучать в контексте теории «культурного шока» К. Оберга и Б. Бергмана, исследовавших состояние социальной тревоги и дезориентированности личности в ситуации внезапного погружения в неизвестный культурный контекст, в котором прежний социокультурный опыт уже неприменим. В ситуации культурного шока актер проходит через серию кризисов, порождающих новый жизненный опыт, итогом чего может стать реадaptация к новой культуре. Сталкиваясь с милитарной культурой, новобранцы первое время оказываются в состоянии культурного шока, поскольку основные атрибуты армейской культуры (униформа, приветствие-салют, военная дисциплина, иерархическая структура управления, культ оружия и техник самообороны, общинный образ жизни, культура воина и воинственности) значительно отличаются от гражданской культуры. Со временем новички начинают ощущать себя солдатами, подчиняясь требованиям новой культуры и формируя милитарную идентичность.

Б. Бергман использует термин «обратный культурный шок» (reverse culture shock) для описания трудностей социальной реадaptации ветеранов после возвращения из армии, когда им приходится реанимировать прежние культурные ценности и модели поведения, приспособившись к требованиям гражданского общества [13, р. 63]. Д. Хоган (J. Hogan) предложил 4-стадийную модель обратного культурного шока: наивность или отрицание; разочарование или негативизм; перспектива; реорганизация. В этом процессе ожидание того, что повторный переход будет легким (стадия наивности) уступает место осознанию того, что возвращение является скорее проблематичным (стадия разочарования). Чувство перспективы (третья стадия) появляется тогда, когда человек начинает осознавать сложившуюся ситуацию, прежде чем перейти к более реалистичным целям и ожиданиям, предполагающим реорганизацию идентичности (четвертая стадия) и ресоциализацию. В случае неудачного транзита актер может испытать отчуждение от новой культуры и желание дистанцироваться от нее (стадия отвержения). Крайним случаем срыва адаптации могут стать суицидальные мысли/действия как предельный отказ от приспособления к новой жизни, которая воспринимается как чуждая. Согласно американской статистике, каждый год 8 000 ветеранов умирают по причине самоубийства (это почти 22 суицида в день) [14]. Об увеличении количества суицидов среди ветеранов (в основном, в возрасте до 24 лет среди воевавших в Ираке и Афганистане) говорят и английские исследователи⁶. Так, К. Брюин, Р. Гарнетт и Б. Эндрюс, которые в 2010 г. провели в Великобритании исследо-

⁵ Д. Блэкберн в 2012–2016 г. провел исследование с использованием метода полуструктурированного интервью с 17 ветеранами вооруженных сил Канады, которое заканчивалось 10-минутным открытым обсуждением проблем транзита из армии в гражданское сообщество. Участникам было предложено описать проблемы, с которыми они столкнулись после увольнения из армии, по нескольким рубрикам: социальная жизнь, личная жизнь, психическое состояние, семейная жизнь, финансовая сфера, здоровье, обучение, профессиональная сфера. Участники исследования сообщили о проблемах, по крайней мере, в одной из четырех сфер – проблемах с психическим здоровьем, в социальной сфере, семейной жизни и финансовых делах. Ветераны сообщили о факторах, благоприятствующих реадaptации: семейная поддержка (в основном, со стороны супруга/и или родителей); поддержка со стороны других ветеранов; услуги психологов, врачей и социальных работников; занятия спортом; получение образования; профессиональная карьера; путешествия и волонтерство; некоторые упомянули алкоголь [12].

⁶ Согласно неофициальной украинской статистике, в 2018 г. более 1000 ветеранов АТО покончили жизнь самоубийством // Корреспондент.net, 26 апреля 2018. – Режим доступа: <https://korrespondent.net/ukraine/3965479-samoubiystva-veteranov-hosudarstvo-ne-pomohaet>

вание милитарной идентичности ветеранов вооруженных конфликтов в Персидском заливе, Боснии и Северной Ирландии (были проведены интервью с 31 ветераном, совершившим попытку суицида, 59 ветеранами, которые думали или планировали суицид и 51 ветераном, которые не думали и не совершали попыток суицида). Результаты исследования продемонстрировали наличие определенной связи между негативным восприятием мира и суицидальным поведением/настроением ветеранов. Социальную отчужденность, ощущение непонимания со стороны окружающих и отсутствие/недостаток социальной поддержки авторы рассматривают как факторы риска, которые могут привести к срыву реадaptации ветеранов [15]. Помимо разочарования в людях (определяемых как «злостных эгоистов»), большинство ветеранов говорили об отчужденности от общества. Типичными были такие комментарии: «те, к которым я могу обратиться в любое время, это бывшие сослуживцы; это единственные люди, которым я доверяю». Многие ветераны говорили о том, что общество не оценило того, что они сделали на войне, когда рисковали собственной жизнью. Некоторые ветераны с суицидальными мыслями говорили об ощущении своего жизненного поражения и утрате вкуса к жизни.

В процессе исследования проблем адаптации солдат и офицеров украинской армии, участвовавших в военных операциях на Донбассе, О. Даниленко использовала концепцию «возвращающегося домой» А. Шютца [2, с. 121], рассматривая фактор изменения «систем релевантности» (А. Шютц) как один из самых важных факторов адаптации возвращающихся домой военнослужащих. Изменения происходят как в жизни самого солдата, так и в жизни родственников, поэтому системы релевантности изменяются, нарушая дистанции чуждости-близости.

В контексте концепции «возвращающегося домой» А. Шютца уместно анализировать «второй» транзит милитарной идентичности (из армии в гражданское поле). После демобилизации бывшие военнослужащие могут столкнуться с проблемой несоответствия систем релевантности, актуальных в армейском и гражданском полях, что может породить эффект ретардации реинтеграционного процесса. «Ситуация солдата уникальна. Когда по возвращении он будет говорить о ней – если вообще заговорит – то увидит, что даже симпатизирующие ему люди не понимают уникальности его индивидуального опыта, который сделал его другим человеком» [16, с. 554]. Успешность социальной реадaptации ветеранов в значительной степени зависит от их умения трансформировать милитарную идентичность, транспонировать ее в гражданский контекст и признать важность возобновления рутинных повседневных практик. Как полагает А. Шютц, одним из основных препятствий на пути социальной реадaptации ветеранов может стать не востребуемость в гражданском обществе обретенных в армии навыков, неспособность дистанцироваться от армейских ценностей конформизма и принять гражданские ценности автономного и свободного существования⁷. Будучи лишенным привычных атрибутов ценимого в армии статуса бойца (военной формы, знаков отличия, боевых наград, нашивков и т.д.), ветеран может остро переживать свою незащищенность и не востребуемость в новом социальном контексте: «возвращающийся домой лишен военной формы, а с нею и привилегированного положения в обществе. Это не означает, конечно, что он лишается престижа защитника Родины, однако история свидетельствует, что долголетие не сопутствует памяти о славе» [16, с. 556]. Вернувшиеся с войны солдаты чаще сталкиваются с экзистенциальными вопросами, связанными с их идентичностью («кто я?», «как дальше жить?»), что, по мнению Р. Смита и Д. Тру, является эффектом необходимости приспособления к миру повседневности, в котором они чувствуют себя «чужаками» [10, р. 156–157].

Феноменологическое исследование мироощущения новобранцев, осуществляющих дрейф из гражданского в милитарное поле (первый транзит), можно найти в известном эссе А. Шютца «Чужой». Рассматривая культурный образец гражданского сообщества как проверенный и эффективный, новобранец после мобилизации может столкнуться с совершенно другими культурными предписаниями, которые на первых порах могут показаться «чуждыми» и породить личностный кризис⁸. Новобранец может столкнуться с тем, что привычная для него система мировосприятия окажется неэффективной в армейском поле и ее необходимо будет заменить на новые «базисные допущения», принятые в новом групповом контексте. А. Шютц подчеркивает необходимость деятельностного (не столько ментального) овладения новым сегментом жизненного опыта, когда «культурный образец народной группы перестает быть содержанием его мышления и превращается в сегмент мира, которым он должен овладеть своими действиями» [17, с. 540]. Ускорить процесс адаптации к армейским усло-

⁷ «К сожалению – и это главное, – нет гарантии, что социальные функции, выдержавшие тест в одной системе, смогут сделать то же, будучи перенесены в другую. Это особенно справедливо в отношении возвращающихся с войны ветеранов. С социологической точки зрения армейская жизнь демонстрирует странную амбивалентность. Она характеризуется исключительно высокой степенью принуждения, дисциплины, навязанной контролирующей и нормативной структурой. Чувство долга, товарищества, ощущение солидарности и субординации – выдающиеся качества, развитые в индивидууме, однако в данном случае они замкнуты внутри рамок определенной группы и не открыты его собственному выбору. ... В гражданском обществе солдат должен выбирать свои цели и средства и не может, как в армии, следовать авторитету или руководству. Поэтому он нередко чувствует себя, как ребенок без матери» [16, с. 555].

⁸ «Возникает «кризис», который, по известному определению У. Томаса, «прерывает поток привычки и создает измененные состояния сознания и практики», или, как мы могли бы сказать, мгновенно опрокидывает всю действующую систему релевантностей» [17, с. 538].

виям жизни во время формирования военной идентичности может фактор, который можно назвать «неустрашимостью непосредственного окружения»: «новый культурный образец приобретает характер окружающей среды. Из далекого он становится близким; его ненаполненные структуры наполняются живыми переживаниями; его анонимные содержания превращаются в конкретные социальные ситуации» [17, с. 540]. Столкнувшись с новой реальностью и новым культурным групповым образцом, новобранец под давлением неустрашимости окружения начинает трансформировать миропонимание и создавать новую систему релевантности, уместную в новом социальном поле. Его задачей становится осознать себя членом «мы-группы», идентифицироваться с армией или группой военнослужащих и принять военный культурный образец (как «заслуживающую доверия схему ориентации»). Если же новый культурный образец так и сохранит статус «чужого», то под вопросом окажется процесс создания военной идентичности, она может остаться путанной и неопределенной (диффузной), а ее обладатель по-прежнему будет себя идентифицировать как «гражданское лицо», временно оказавшееся в чуждых условиях военного окружения.

Выводы. В контексте теории П. Бергера и Т. Лукмана следует различать два модуса военной идентичности – слабую форму (соотносимую с частичной вторичной социализацией в армейском поле, которая не предполагает биографического разрыва с прошлым) и сильную форму (соотносимую с альтернативой, сопровождаемой формированием «базисного мира» нового социального окружения и дистанцированием от прошлого). Военная идентичность, сформировавшаяся в ситуации альтернативы, может быть связана с затрудненной социальной реадaptацией актора после демобилизации, тогда как военная идентичность, возникающая в ситуации рутинной вторичной социализации, может не сопровождаться сильной личностной трансформацией актора. В контексте теории П. Бурдьё транзит военной идентичности соотносится с концептом габитуса. Военный габитус, сформировавшийся во время службы в армии, может войти в столкновение с гражданским социокультурным контекстом во время транзита военнослужащего из армии в гражданское поле, результатом чего может стать формирование поствоенного габитуса ветерана. Противоречие между двумя габитусами, которые в течение длительного времени формировались в военном и гражданском социокультурных полях, может возыметь своим эффектом гистерезис (или торможение/запаздывание приспособления к социальным изменениям, вызванное инерционностью габитуса).

В контексте теории «культурного шока» К. Оберга и Б. Бергмана транзит военной идентичности соотносится с состоянием социальной тревоги и дезориентированности личности в ситуации внезапного погружения в неизвестный армейский культурный контекст, в котором прежний социокультурный опыт уже неприменим. В контексте концепции «возвращающегося домой» А. Шютца полезно анализировать «второй» транзит военной идентичности (из армии в гражданское поле). После демобилизации бывшие военнослужащие сталкиваются с проблемой несоответствия систем релевантности, актуальных в армейском и гражданском полях, что может привести к ретардации реинтеграционного процесса. Успешность социальной реадaptации ветеранов в значительной степени зависит от их умения трансформировать военную идентичность и транспонировать ее в гражданский контекст.

Литература:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Пер. Е. Руткевич. Москва: «Медиум», 1995. 323 с.
2. Даниленко О. Інтерпретація ідей А. Шютца при дослідженні ситуації солдата, який повертається додому, в сучасній Україні. Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 2018. № 1, С. 118–133.
3. Бурдьё П. Структура, габитус, практика. Журнал социологии и социальной антропологии. Том I. 1998. № 2. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (дата звернення: 15.06.2018)
4. Cooper L., Caddick N., Godier L., Cooper A., Fossey M. and Engward H. A model of military to civilian transition: Bourdieu in action. *Journal of Military, Veteran and Family Health*. 2017. № 3 (2), P. 53–60.
5. Atherton S. Domesticating military masculinities: Home, performance and the negotiation of identity. *Social and Cultural Geography*. 2009. № 10 (8), Pp. 821–836.
6. Maringira G., Gibson D., Richters A. "It's in my blood": the military habitus of former Zimbabwean soldiers in exile in South Africa. *Armed Forces Sociology*. 2015. № 41 (1), P. 23–42.
7. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. Санкт-Петербург: Алетейя; Москва: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с.
8. Amiot C., de la Sablonniere R., Terry D., Smith J. Integration of social identities in the self: toward a cognitive-developmental model. *Personality and Social Psychology Review*. 2007. № 11 (4), Pp. 364–388.

9. Praharso N., Tear M., Cruwys T. Stressful life transitions and wellbeing: A comparison of the stress buffering hypothesis and the social identity model of identity change. *Psychiatry Research*. 2017. № 247. P. 265–275.
10. Smith R. T., True G. Warring identities: Identity conflict and the mental distress of American veterans of the wars in Iraq and Afghanistan. *Society and Mental Health*. 2014. № 4, P. 147–161.
11. Higate P. “Soft Clerks” and “hard civvies”: Pluralizing military masculinities in *Military Masculinities: Identity and the State*. Westport, VA: Praeger, 2003. Pp. 27–42.
12. Blackburn D. Out of uniform: psychosocial issues experienced and coping mechanisms used by Veterans during the military–civilian transition. *Journal of Military, Veteran and Family Health*. 2017. Vol. 3. № 1.
13. Bergman B., Burdett H., Greenberg N. Service life and beyond – institution or culture? *RUSI Journal*. 2014. № 159 (5), Pp. 60–68.
14. Castro C., Kintzle S. Suicides in the military: The post-modern combat veteran and the Hemingway effect. *Current Psychiatry Reports*. 2014. № 16, Pp. 1–9.
15. Brewin C., Garnett R., & Andrews B. Trauma, identity and mental health in UK military veterans. *Psychological Medicine*. 2011. № 41, Pp. 1733–1740.
16. Шютц А. Возвращающийся домой. Избранное: Мир, светящийся смыслом. Пер. с нем. и англ. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 550–556.
17. Шютц А. Чужой. Избранное: Мир, светящийся смыслом. Пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 533–549.